

Старый нижегородский театр.

Нижегородский театр—одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ театровъ. Основанъ онъ былъ въ 1798 году нижегородскимъ помѣщикомъ княземъ Николаемъ Григорьевичемъ Шаховскимъ. Начало театру было, впрочемъ, положено княземъ еще нѣсколько ранѣе, и онъ держался вначалѣ только труппою любителей; постоянный же публичный театръ былъ устроенъ кн. Шаховскимъ на углу Большой и Малой Печерскихъ улицъ, на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ Макарьевскою богадѣльнею.

Судьбы нижегородскаго театра въ свое время очень интересовали покойнаго изслѣдователя нашей мѣстной жизни А. С. Гацискаго, и въ 1867 г. имъ была издана книжка „Нижегородский театр“ (1798—1867).

Данныя о первомъ періодѣ существованія театра, приводимыя въ названномъ трудѣ А. С. Гацискаго, довольно скудны, впрочемъ, о матеріальной же сторонѣ театральнаго дѣла почти совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній за этотъ періодъ.

При разборѣ архива нижегородскій дворянской опеки мнѣ повалось дѣло объ учрежденіи опеки надъ имѣніемъ кн. Шаховскаго, по его смерти (въ 1824 г.), въ которомъ заключаются довольно интересныя данныя именно о хозяйственномъ бытѣ театра.

Но, прежде чѣмъ ознакомиться съ ними, я позволю себѣ привести нѣкоторые отзывы о театрѣ Шаховскаго, имѣющіеся въ литературѣ.

Ф. Ф. Вигель въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ *) говоритъ, что Н. Г. Шаховской устроилъ театръ исключительно съ коммерческою цѣлью, для извлеченія изъ него доходовъ. Онъ не имѣлъ никакого понятія ни о музыкѣ, ни о драматическомъ искусствѣ, а между тѣмъ ужаснымъ образомъ законодательствовалъ въ своемъ закулисномъ царствѣ: въ труппѣ своей вводилъ монастырскую дисциплину, требовалъ величайшей благопристойности на сценѣ, такъ чтобы актеръ во время игры никогда не могъ коснуться актрисы, находился бы всегда отъ нея не менѣе какъ на аршинѣ, а когда она должна была падать въ обморокъ, только примѣрно поддерживалъ ее. Послѣ того можно себѣ представить, какъ движенія ихъ были свободны и ловки. „Театръ, по словамъ Вигеля, освѣщался весьма скудно: освѣщалась только сцена, а всѣ другія части театра погружены были во тьму, и потому въ ложи каждый привозилъ съ собою кто восковую, кто салную свѣчку, а иные даже лампы“.

А. С. Гацискій, приводя этотъ желчный от-

зывъ о Шаховскомъ, оставляетъ его на совѣсти автора. Отзывъ дѣйствительно крайне пристрастный и преувеличенный. Известно, что изъ крѣпостной труппы князя выработалось нѣсколько крупныхъ сценическихъ дѣятелей, да и вообще въ ней было не мало дарованій.

Для насъ интереснѣе другой отзывъ о театрѣ П. Боборыкина *).

Частию по разсказамъ своей бабушки (К. Я. Григорьевна), частию по личнымъ воспоминаніямъ о нѣсколькихъ артистахъ княжеской труппы онъ даетъ весьма лестныя характеристики, напримѣръ, объ М. Поляковѣ, известномъ болѣе подъ именемъ „Миная“, А. Выше-славцевой или „Авиушкѣ“, Н. Шуновой, Д. Завидовѣ и А. Стрѣлковой (Сашенька), „известной тогда по всей Россіи за одну изъ самыхъ талантливыхъ актрисъ“.

„Меня рано стали вывозить въ театръ—пишетъ П. Боборыкинъ,—и я помню Выше-славцеву уже не первой молодости, но еще не старухой, на первыхъ роляхъ. У нея была замѣчательная, чисто—романтическая нервность игры, какую вы видите въ старыхъ актрисахъ, начавшихъ свою карьеру въ эпоху воцаренія драмы. Особенно живо помню я игру Выше-славцевой въ переводной драмѣ „Дочь Карла Смѣлаго“. Г. Завидова я также воспринималъ и изучалъ съ дѣтства... Я и на французскихъ сценахъ мало видѣлъ актеровъ, въ такой степени подходящихъ къ специальности мрачнаго элемента драмы. Шутка сказать: слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ видѣлъ я его въ „Терезѣ, жене сироты“, и до сихъ поръ въ ветрутой свѣжести стоятъ предо мною страшныя минуты, когда Вольтеръ перелѣзаетъ черезъ заборъ и крадется къ павильону, и когда, въ послѣднемъ актѣ, онъ судорожно вытираетъ на себѣ пята вроски и, весь полный трагической тревоги, какъ-то отчаянно ежится“.

Очевидно, много нужно было и умѣнья, и любви къ дѣлу, чтобы воспитать и при томъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ въ крѣпостныхъ дворовыхъ людяхъ такія недюжинныя дарованія.

Мы уже не говоримъ объ этихъ дарованіяхъ. Для насъ теперь совершенно непоятно, какую бездну терпѣнія, какія нечеловѣческія силы нужно было имѣть таланту, художнику, человеку съ тонко развитымъ чувствомъ, чтобы въ положеніи раба не только развить въ себѣ художественное дарованіе, артистическія таланты, но даже сохранить образъ человѣческій. Князь, по отзыву его крѣпостныхъ артистовъ, изъ которыхъ А. С. Гацискій еще засталъ нѣкоторыхъ въ живыхъ, былъ крайне

добрымъ человекомъ, но и этотъ добрый человекъ не задумывался въ случаѣ провинности артиста, посадить его, только что воплотившаго на сценѣ роль Скопина Шуйскаго, Юрія Милославскаго, на цѣпь въ стулъ, надѣть на него рогатки, а то и высѣчь. Ужъ таково было время и таковы были нравы. Даже просвѣщенные люди того мрачнаго времени не могли освободиться отъ господствовавшихъ взглядовъ на крѣпостного какъ на вещь. Я самъ помню изъ своего дѣтства разсказы стараго повара бывшаго министра народнаго просвѣщенія А. С. Норсва, какъ его за малѣйшую оплешивость господинъ или наказывалъ, или иногда заставлялъ перекидывать за заборъ зотви пудовъ земли.

Но какъ бы то ни было, наперекоръ природѣ, таланты въ княжеской труппѣ были и, конечно, не одинъ Боборыкинъ воспринималъ ихъ и былъ обязанъ имъ своимъ художественнымъ развитіемъ. Въ мѣстномъ нижегородскомъ обществѣ крѣпостной театръ пользовался по всѣмъ даннымъ большими симпатіями, и его охотно посѣщали даже нижніе слои горожанъ. Скоро зданіе стараго театра стало тѣснымъ и князь Шаховской въ 1811 году замѣнилъ его новымъ обширнымъ зданіемъ, которое, какъ видно изъ описи, помѣщенной въ указавшемъ выше „дѣлѣ“, имѣло 20 саж. въ длину и 7 саж. въ ширину; въ немъ было устроено 27 ложъ, въ залѣ помѣщалось до 50 креселъ, партеръ былъ устроенъ человекъ на 100 и верхняя галерея—на 200 человекъ. Зданіе театра,—говоритъ А. С. Гацискій,—было по тому времени для губернскаго города даже слишкомъ роскошнымъ.*)

Въ годъ смерти князя Шаховскаго почти всѣ ложи были абонированы, свободныхъ оставалось только три. Годовой абонементъ на большія ложи стоилъ 400 руб., на среднія—360, затѣмъ были ложи по 300, 250, 225 и 200 руб.; за ложи и нѣсколько креселъ (по 100 р. каждое), абонементной платы было въ 1824 г. получено 8175 р. Обыкновенная плата за ложи была 12 до 10 р., за кресла отъ 2 р. 50 к. до 3 р., за мѣста въ партерѣ по 1 р. и въ парадизѣ—по 50 коп. ассигнаціями.

Городской театръ былъ открытъ въ теченіе всего года, исключая великаго поста и ярмарки. На ярмаркѣ у князя Шаховскаго былъ также собственный деревянный театръ, значительно обширнѣе городского (26 саж. въ длину и 7 саж. въ ширину). Въ ярмарочное время вся труппа переселялась на ярмарку, приглашался также свободные артисты. Доходы съ ярмарочнаго театра равнялись почти половинѣ общей годовой выручки.

*) Цитируемъ ихъ по книжкѣ А. С. Гацискаго „Нижегородскій Театръ“ стр. 11—13.

*) Ниж. Губ. Вид. № 7-1868 г.

*) А. С. Гацискій—Нижегородскій театръ (1798—1867 г.) Н. Новгородъ 1867 стр. 15.

Репертуаръ нижегородскаго театра былъ тотъ же, какой существовалъ въ то время и на столичныхъ сценахъ. Ставились: „Женевская сирота“, „Жизнь игрока“, „Иоаннъ герцогъ фаяландскій“, „Невидимый свидѣтель“, „Юрій Милославскій“, „Скопинъ Шуйскій“, „Провинціалъ въ столицѣ“, „Своя семья“, „Воспитаніе“, и т. п.; давались также драмы и комедіи переводныя—Шекспира, Кальдерона, Шиллера, Копебу. Кромѣ драмъ, комедій, трагедій и водевилей, на нижегородскомъ театрѣ шли оперы и балеты: „Титово милосердіе“, „Калефъ багдадскій“, „Сандрильова“, „Чертовъ Замокъ“, „Рѣдкая вещь“, „Волшебная флейта“ и друг.

Театральная труппа состояла исключительно изъ дворовыхъ людей князя Шаховскаго, приписанныхъ по ревизіи къ с. с. Надеждину и Юсупову, ардатовскаго уѣзда. Всѣхъ дворовыхъ при домѣ князя было 175 ч., изъ нихъ 121 ч. взрослыхъ и 54 ч. въ возрастѣ до 15 лѣтъ, собственно же „театральныхъ людей“— артистовъ, артистокъ, музыкантовъ и прислуги считалось 93 человека. Наиболѣе талантливыя изъ артистовъ княжеской труппы, кромѣ названныхъ выше, были еще слѣдующіе: Аксаковъ, А. Ершовъ, Бѣшевцева, Краева (опера), И. Надеждинъ, А. Залѣскій, С. Третьяковъ, А. Ершовъ, актрисы Л. Вышеславцева, Е. и А. Поляковы, П. и Л. Надеждыны (комедія и драма); въ балетѣ же болѣе извѣстными считались: Я. Завидова, М. Порѣцкая, А. и Н. Стрѣлковы, А. Краева и Здобнова.

Вся труппа помѣщалась въ вѣсколькихъ большихъ флигеляхъ на Жуковской улицѣ, занимавшихъ вмѣстѣ съ княжескимъ домомъ почти весь кварталъ между Жуковскою, Набережною, М. Гечеркою и Больвичвою улицами.

А. С. Гацскій въ своей книгѣ говоритъ, что наследники князя Шаховскаго, не имѣя той любви къ дѣлу, какъ отличался покойный князь, едва не погубили театра; при нихъ „театръ не зналъ даже, что такое дрова, и какое изъ нихъ въ службу дѣлаютъ употребленіе“. Въ нашемъ распоряженіи какъ разъ имѣются давныя и довольно подробныя о приходѣ и расходѣ по театру за время завѣдыванія имъ опекунышею княгинею Ириною Кузьминичною Шаховскою и попечителемъ, братомъ княгини, Михаиломъ Михайловичемъ Аверкиевымъ. Въ ихъ управленіи театръ находился съ августа 1824 по январь 1827 года *). По первому же году управленія, намъ кажется, можно съ нѣкоторою вѣроятностію судить о финансовой сторонѣ театрального дѣла и при его основателѣ, такъ какъ хозяйство едва ли могло измѣниться

значительно въ краткое время. Валовой сборъ съ ярмарочнаго и городского театровъ въ 1824 году можно опредѣлить—minimum въ 26672 р. 50 коп.

Въ слѣдующемъ году доходъ съ театровъ нѣсколько повизился, если принять условное вычисленіе дохода за 1 ю половину 1824 года: съ января по іюль включительно въ этомъ году выручено 5,726 р. 50 к. и съ августа по конецъ года—15,490 р. 50 к., всего 21,217 р. Изъ этой суммы на ярмарочный театръ, гдѣ было дано въ іюль и августѣ 44 спектакля, приходится 10,260 руб. 50 к., да въ ней же заключаются 5,660 р., вырученные за абовированныя ложи и кресла. Въ городскомъ театрѣ ежемѣсячно давалось отъ 11 до 14 спектаклей, исключая февраля и іюля, когда было только по 4 спектакля и декабря, въ которомъ данъ лишь 1 спектакль. Въ теченіе года, кромѣ того въ пользу артистовъ было дано 5 спектаклей. Наивысшій сборъ городской театръ давалъ въ апрѣлѣ—отъ 7 р. 50 к. до 76 р., въ среднемъ 44 р. 60 к. и наивысшій въ январѣ—отъ 48 р. 50 к. до 152 р. 50 к., въ среднемъ 71 р. 30 коп.

Разница въ сборахъ сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ и перспективная, и общая, по мѣсяцамъ, довольно значительна: высшій сборъ въ декабрѣ 1824 г. достигалъ 247 р. 50 к. за спектакль, исключая абонементной платы, наименшій же былъ въ 14 руб. 50 к. въ октябрѣ.

Въ 1826 году городской театръ былъ открытъ только въ сентябрѣ, въ ярмарочномъ же лишь въ концѣ августа было дано 6 спектаклей; весь валовой сборъ съ театра выразился поэтому въ незначительной суммѣ 8,396 р. 10 к. Въ слѣдующемъ году оба театра совсѣмъ имуществомъ наследниками князя Шаховскаго были проданы Распутину и Климову за 100,000 р. Артисты (всего съ дѣтьми 96 чел.) получили вольныя съ обязательствомъ играть у новыхъ владѣльцевъ въ теченіе 10 лѣтъ.*)

Крѣпостные актеры не получали жалованья, имъ выдавались только „харчевые“—по 5 руб. въ мѣсяць взрослому и по 1 р. 50 к.—малолѣтнему; заслуженныя изъ артистовъ получали еще по одному бенефису въ годъ. Расходъ на продовольствіе артистовъ при всей незначительности его составлялъ главную статью театральныхъ расходовъ—почти половину ихъ.

Возьмемъ для примѣра 1825 годъ. Въ этомъ году было израсходовано: 1) на продовольствіе артистовъ „и прочихъ театральныхъ людей“ въ городѣ и на ярмаркѣ 5,210 р. 67 к., 2) ремонтъ ярмарочнаго театра стоилъ 1,000 р., 3) музыкантамъ (наемнымъ) въ ярмарочномъ те-

атрѣ уплачено 425 р., 4) вольному актеру Нечаеву, приглашенному на время ярмарки 100 р., 5) на театральныя принадлежности израсходовано 348 р. 65 к. *), 6) куплено сукна на платье актерамъ и уплачено за шитье его 1,244 р., 7) куплено сала и свѣчь для театра и дома князя 1,290 руб. 83 коп., 8) куплено дровъ и сѣна для 8 лошадей 1,476 р. 70 к., 9) мелочныя расходы по театру и дому 592 р. 47 к., итого 11,688 р. 32 к.

Большой интересъ представляетъ опись театральному имуществу, поступившему въ вѣдѣніе опеки. Она составлена очень подробно (на 14 листахъ), но безъ системы: сдѣлана лишь попытка сгруппировать однородные предметы.

Всѣхъ декорацій въ городскомъ театрѣ было 17: лѣсная, садовая, двѣ горныхъ, 4 комнатныхъ (мраморная, красная, голубая и желтая), тюремная, деревенская, 3 городскія и четыре спеціальныя для пьесъ: „Чертовъ Замокъ“, „Мудрая женщина“ и „Житель чернаго лѣса“; во всѣхъ ихъ—250 отдѣльныхъ частей; кромѣ того, на холстѣ до 100 отдѣльныхъ видовъ: замки, храмы, пирамиды, гробницы, башни, избушки, мельницы; разныхъ машинъ и инструментовъ въ описи перечислено 350 шт., музыкальныхъ инструментовъ 60, оружія 33 шт., затѣмъ перечисляется весь театральный гардеробъ, заключающій въ себѣ до 1750 разныхъ предметовъ. Большое количество платья было сдѣлано изъ дорогихъ матерій—парчи, шелка, атласа, бархата, тафты; встрѣчаются кафтаны и мундиры, шитые камнями, золотомъ, шелкомъ.

Вообще театръ Шаховскаго былъ хорошо оборудованъ. Князь, повидимому, не жалѣлъ денегъ на свое предпріятіе, самъ же жилъ довольно скромно. Особенно это бросается въ глаза, когда сравниваешь опись театрального имущества съ описью имущества, лично принадлежавшаго князю. Въ послѣднемъ нѣтъ ни предметовъ роскоши, ни даже комфорта.

У князя, напримѣръ, была пара очковъ, одни стальные, другіе въ мѣдной оправѣ; изъ серебряной посуды—только 14 ложекъ; самоваръ изъ зеленой мѣди; верхняго платья было лишь по 2—3 штуки каждаго названія, изъ сукна и нанки; бібліотека помѣщалась въ простомъ крашеномъ деревянномъ шкафѣ. Вообще, все въ этой описи говоритъ о скромности, нетребовательности и непріхотливости вкуса антрепренера.

В. Снѣжневскій.

*) Кн. Шаховскій умеръ 24 іюля 1824 г.

*) Гацскій. Нижегородскій театръ стр. 19.

*) Въ томъ числѣ 45 р. за печатаніе афишъ въ іюль—расходъ, встрѣчающійся только одинъ разъ въ продолженіе 3 лѣтъ.